

НЕМОЙ

Елена Неделько

Елена Неделько

Немой

«Автор»

2026

Неделько Е.

Немой / Е. Неделько — «Автор», 2026

Провалившись в болото, Ратмир не умер, а стал бессмертным Императором. Чтобы спасти сестру, он заключил сделку со стороной Тьмы и превратил своих людей в каменных големов. Поняв, что вечность без чувств — это тюрьма, он пытается разрушить чары. Но какой ценой?

© Неделько Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елена Неделько

Немой

Глава 1

В Скитунце пахнет солью, гарью и страхом.

Я прижимаюсь щекой к тёсаному бревну дозорной вышки. Дерево сырое, оно дышит холодом сквозь мою старую волчью безрукавку. Внизу, во внутреннем дворе крепости, князь Все-слав толкает речь. Я не слышу ни звука. Ни рева его луженой глотки, ни лязга кольчуг дружинников, ни воя ветра в печной трубе. Для всего мира там, внизу, гремит железо и бьются оземь тяжелые кулаки. Для меня — только серая рябь лиц и дым из сотен ноздрей.

Моя тишина началась пятнадцать зим назад. Маревый упырь выдул мне крик прямо в уши, когда я вытаскивал сестренку Лелю из гнилого ручья. Сестру он утащил под корягу навсегда, а мне оставил этот дар: мир без человеческого шума. Зато теперь я чую ложь по запаху паленого волоса, вижу дрожь земли за три версты до того, как она докатится до ног, и знаю, когда навка начинает плакать в камышах, потому что воздух вокруг неё густеет, как кисель.

Князь закончил орать. Теперь вниз спускается боярин Ждан, его правая рука. На плече у него лежит секира, но смотрит он на меня. Они всегда смотрят так, будто я болотная нежить, которую пустили погреться у общего костра лишь по великой нужде. Так и есть.

Ждан поднимается ко мне по скрипучей лестнице. Дерево стонет под его весом, жалуется на каждый шаг. Мне даже оборачиваться не нужно.

— Князь велел тебе идти, — говорит он.

От слов Ждана несет мертвечиной. Не той, сладковатой, что идет от могильных курганов, а сухой, бумажной мертвечиной княжеских указов. Он боится Мары больше, чем мы все вместе взятые, и прячет свой страх за печатями Перуновых волхвов, пришитыми к воротнику.

Я спрыгиваю с лестницы прямо перед ним. Пыль ударяет в подошвы тяжелым глухим ударом. Показываю два пальца, затем провожу ребром ладони по горлу.

Два дня пути до Глухой межи.

Он кривится, достает из-за пазухи берестяную грамоту, свернутую в трубку, и сует мне под нос. Там печать князя и размашистый почерк самого Всеслава. Я не умею читать буквы, но я читаю смыслы. От свитка веет жадностью. Желанием всё заглотить, подмять, сделать ровным и мертвым.

Рядом со свитком падает кожаный мешочек. Тяжелый. Золото звенит для тех, кто слышит. Для меня звон металла звучит как треск льда над полыньей — коротко и смертельно опасно.

— Ты доведешь отряд до Сердца Мары, — рычит Ждан, наклоняясь ко мне. От его бороды пахнет дешевым медом и рвотой. — Ты знаешь тропы. А это...

Из другого кошель он достает серебряный обруч. Тонкий, витой, с впаянным в центр синим камнем-слезкой. Оберег высшего порядка. Такие носят верховные волхвы. Но камень внутри тусклый, больной. Внутри него ворочается чужая воля.

— Как только Камень будет нашим, князь собственноручно посадит это тебе на голову. Он выжжет хворь. — Ждан тычет пальцем мне в висок. — Вернет слух. Ты снова услышишь птиц, Ратмир. Услышишь людей.

Птиц. Людей. И голос сестры, который я забыл, пытаюсь вытащить её из ила. Эта мысль бьет сильнее рогатины. Ради этого можно спуститься хоть в самую Пекельную топь. Я забираю серебро. Мешочек приятно тяжелит пояс.

В казарме темно и тесно. Дружинники расступаются передо мной, давая дорогу к длинному столу. Их здесь двадцать человек. Лучшие. У каждого грудь колесом, у каждого родовой оберег на шее размером с добрый щит. Они смеются, пьют брагу, хлопают друг друга по плечам. Воздух плотный от их самодовольства. Они думают, что идут охотиться на кабана.

Я сажусь на край лавки. Достая нож и начинаю чистить ногти. Один из них, молодой парень с едва пробившимся пушком над губой, замечает мой жест. Ему скучно. Он хочет показать удаль.

— Гляди-ка, немая крыса точит коготки, — громко говорит он, и остальные подхватывают смех.

Смех сотрясает лавку. Звуковая волна проходит мимо моего уха бесполезным ветром, но я чувствую, как вибрируют доски подо мной. Чувствую, как меняется запах в комнате. Медовый дух сменяется острым ароматом звериной мочи. Парень перестал быть просто глупым юнцом. Передо мной волк, проверяющий жоака на прочность.

Он встает. Его тень накрывает стол.

— Может, проводник покажет нам свою тропу прямо сейчас? Прямо на моем клинке?

Он тянет меч из ножен. Сталь выходит со звуком, которого я не слышу, но зато я вижу, как микроскопические капли воды срываются с лезвия и висят в воздухе чуть дольше положенного. Меч заговоренный. Хороший.

Я не двигаюсь с места. Просто смотрю ему в переносицу. И медленно, очень медленно кладу правую руку на стол. Раскрываю ладонь. На мозолистой коже лежат пять гладких речных голышей.

Парень моргает. Смех в казарме умирает быстрее, чем догоревшая лучина. Эти камни — не оружие. Это зубы реки, которыми я забиваю насмерть водяных чертей. Все они знают легенды о том, как десять лет назад я вышел из Мары один, таща на себе половину туши матерого тура, и половина лица у меня тогда еще была сожжена болотным огнем до самой кости.

Его рука на рукояти белеет. Он понимает язык тела лучше языка звуков. Понял, что первый брошенный голыш раздробит ему запястье, второй выбьет глаз, а третий войдет точно в ямку между ключицами. Волхвовский меч ему не поможет против пяти фунтов речной смерти, брошенных рукой, которая чувствует сопротивление воздуха.

Он сглатывает. Звук получается громким, влажным, похожим на падение камня в густой ил. Парень садится. Убирает меч. Запах мочи исчезает, уступая место кислому запаху его позора.

Дверь казармы распаивается с такой силой, что слетает с верхней петли. Врывается ветер, принося с собой ледяное дыхание севера. На пороге стоит князь Всеслав. Без шлема, в одной рубахе, поверх которой на толстой цепи висит золотой лик Перуна-громовника. За его спиной маячат двое молчаливых телохранителей в черных масках.

Тишина становится абсолютной. Даже огонь в очаге перестает трещать.

Князь обводит взглядом своих лучших воинов, задерживаясь на каждом секунду. Затем его глаза находят меня.

Он подходит тяжелой, уверенной походкой хозяина. Останавливается напротив. От него пахнет грозой, свежеспиленным дубом и чужой властью. Он протягивает огромную, покрытую шрамами руку и берет меня за подбородок. Пальцы у него жесткие, как корабельная смола. Он поворачивает мое лицо к свету факела, заглядывает в глаза. Ищет слабость. Страх. Сомнение.

Я смотрю сквозь него. Я уже стою по колено в черной воде. Шаг сделан.

Князь отпускает мой подбородок и довольно скалится, обнажая железный зуб.

— Завтра на рассвете, — говорит он.

Для всех в казарме это приказ.

А для меня — начало счета. До того момента, когда либо затихнет весь остальной мир, либо замолчу я сам.

Глава 2

Рассвет в Скитунце выдался багровым, словно кто-то вспорол брюхо небесной корове.

Мы вышли за Железные ворота, когда туман еще лежал на земле толстым мокрым одеялом. Двадцать дружинников, боярин Ждан и я. Кони здесь были бесполезны — первый же шаг в сторону от гати, и болотная жижа затянет подкованного зверя по самое брюхо за один удар сердца. Поэтому идем пешком.

За спиной лязгнула тяжелая цепь. Ворота закрылись. Звук удара дерева о дерево до меня не долетел, но я почувствовал, как дрогнули доски дороги под ногами. Мы остались одни. Впереди начиналась Глухая межа.

Граница между миром людей и Марой никогда не бывает прямой. Это не стена и не ров. Это место, где воздух начинает пахнуть иначе — прелой листвой, которая гниет уже третью сотню лет, и озоном, какой бывает только над свежим вывалом бурелома. Земля меняет цвет с дорожной пыли на глубокий, почти фиолетовый торф.

Я остановился первым. Поднял руку. Не ту, сжатую в кулак, которой воины требуют тишины, а раскрытую ладонь вниз.

Мои спутники замерли. Я слышал их дыхание. Точнее, видел его: пар изо рта боярина Ждана выходил рваными кусками, выдавая страх, который он пытался задавить злобой. От него снова воняло мертвечиной, но теперь к ней примешалась кислятина паники. Остальные пока держались. Их кольчуги звенели глухо, уверенно. Они еще верили в свои заговоренные топоры и обереги из серебра.

— Чего встал, немочь? — процедил сквозь зубы молодой воин, тот самый, что вчера хватался за меч. Он стоял третьим слева. Его кожаная куртка была перетянута ремнем слишком туго — я видел, как белеют костяшки пальцев на рукояти клевца. Снова хочет казаться смелее, чем есть. Дурак.

Я даже не повернул головы. Опустился на одно колено прямо в черную грязь обочины. Дружинники зашептались. Положил обе ладони на землю.

Земля всегда говорит правду. Княжеские указы для неё — пустой звук. Она помнит ледник, помнит первые шаги леших и вкус крови первого человека. Я прижал ухо к запястью, хотя знал, что ничего не услышу привычным способом. Но мне это и не нужно. Я слушал кожей.

Под тонким слоем дерна жила пустота. Там, на глубине в три локтя, текла подземная река, вымывая целые пещеры. Прямо под нашими ногами мостовая трещала, как пересохшая скорлупа. Если мы сделаем еще десять шагов вперед, земля развернется и поглотит сразу пятерых. Обереги тут бессильны, физика Мары сильнее человеческой веры.

Я поднялся. Вытер грязные руки о порты. Посмотрел на молодого буяна. Потом перевел взгляд чуть левее, на приземистого бородатого ратника по имени Борич. У Борича нет левой кисти — отгрыз упырь пять зим назад. Вместо руки у него крюк, которым он сейчас задумчиво скреб щетину. Он знает цену болоту. Он единственный, кроме меня, не источает запаха гордыни. Пахнет лишь потом, дегтем и сушеным чесноком.

Я ткнул пальцем в то место, где должна была открыться бездна. Затем показал два пальца и изобразил руками проваливающиеся ноги. Два шага туда. Провал.

Боярин Ждан побагровел так, что родинка на его щеке стала похожа на лопнувшую ягоду.

— Ты смеешь указывать моим людям?! — рявкнул он. — Дорогу князю прокладывает сталь, а не босая пятка лесного бродяги! Иди вперед, если трусишь!

Он толкнул меня в грудь. Легонько, кончиками пальцев, просто чтобы показать свою власть перед строем. Для остальных это был легкий тычок. Для меня — удар тупого бревна. Воздух вокруг Ждана задрожал, пошел мелкой рябью, искажая очертания его дорогого каф-

тана. Ложь всегда искривляет пространство. А приказ вести людей на верную смерть ради княжеского тщеславия — это самая жирная, густая ложь во всем княжестве.

Молодой буян воспринял это как сигнал.

— Может, проводничок сам проверит тропку? — осклабился он, делая шаг ко мне. — Давай, немой, покажи удаль. Или твой язык отсох вместе со слухом?

Он замахнулся, собираясь отвесить мне шутовскую оплеуху.

Время в такие моменты течет медленно, как смола. Я видел каждое движение воздуха. Видел, как напрягается сухожилие на его руке. Видел, как расширяются зрачки Борича-крюкача позади него — старый рубака понял всё раньше остальных.

Я не стал уворачиваться. Когда рука парня пошла вперед, я сделал полшага навстречу, пропуская инерцию мимо себя, перехватил его запястье своей левой рукой, а правой коротко, без замаха, ударил его основанием ладони снизу вверх, точно под нос.

Хруста я не услышал. Но я увидел, как брызнула кровь — алые точки зависли в сыром воздухе, похожие на ягоды брусники. Парень взвизгнул — этот визг я тоже не услышал, но ощутил грудью, как удар в барабан. Колени его подогнулись. Прежде чем он рухнул лицом в грязь, я вырвал из его ослабевших пальцев клевец. Оружие оказалось неожиданно легким.

В строю ахнули. Десять шагов отделяли меня от обнаженных мечей остальной дружины.

— Стоять, — негромко сказал Борич.

Его голос прозвучал как шелест сухого камыша. Старый ратник поднял свой крюк на уровень груди, преграждая путь товарищам.

— Проводник прав, — просипел Борич, глядя на боярина. — Я чую сырость. Там промоина. Если бы пошли, корм бы рыбам достался. Опустит железо.

Ждан смотрел на меня с такой ненавистью, что казалось, она может прожечь дыру в моей старой безрукавке. Он проиграл дважды: сначала едва не угробил отряд, а затем его лучший человек (пусть и случайно) признал авторитет калеки выше его собственного.

Княжий советник молчал долго. Слышно было только, как тяжело дышит поверженный юнец, захлебываясь собственной кровью и грязью. Наконец Ждан разлепил губы:

— Ведешь ты. Шаг вправо, шаг влево — шкуру спущу лично.

Я кивнул. Бросил клевец обратно к ногам раненого. Пусть учится держать оружие крепче.

Мы свернули левее, огибая невидимую ловушку. Теперь мои люди шли плотной цепочкой, ступая след в след. Звенящая броня стихла. Даже сапоги стали ставить мягче. Запах страха сменился запахом внимания. Они смотрели мне в спину. Каждый ждал подвоха от самой земли.

Тропа сузилась. Деревья здесь росли неправильно — стволы изгибались петлями, образуя живые арки, корни выпирали из черной воды, напоминая скрюченные пальцы утопленников. Солнечный свет вяз в кронах, превращаясь в тусклую зеленоватую взвесь.

Первый знак Мары появился через версту пути. На ветке вековой ольхи сидела сорока. Обычная птица, каких тысячи. Но её голова поворачивалась вслед за нами на сто восемьдесят градусов, ломая собственные позвонки с сухим треском сухой ветки. При этом тело птицы оставалось неподвижным.

Борич, идущий вторым, замедлил шаг. Сорока уставилась на него тремя черными стеклянными бусинами глаз. Третья бусина находилась прямо посреди лба птицы — мутная, незрячая, пульсирующая.

— Нежить птичья, — выдохнул кто-то сзади.

Я остановился. Протянул руку. Сорока наклонила голову набок. Из её клюва вместо обычного стрекотания вырвался тихий детский плач. Тонкий, режущий уши тем, кто их имеет. Плач моей сестры Лели там, в ручье. Горло свело спазмом, которого не должно быть у того, кто давно оглох. Боль фантомного уха всегда приходит первой, когда Мара начинает проверять тебя на прочность.

Птица-морок питается памятью. Стоит одному из этих напуганных мужиков вспомнить лицо матери или жену — сорока камнем рухнет ему на лицо, выключает глаза и поселится в черепе, высасывая тепло.

Нужно платить пошлину. Таков закон границы.

Я снял с пояса флягу. Внутри плескалась не вода — чистая родниковая водка, настоянная на можжевельнике. Крепкая, сорокаградусная. Резкий запах спирта пробил даже мой притупленный нюх.

Я подошел к дереву. Дружинники затаили дыхание. Боярин Ждан что-то беззвучно шептал, перебирая четки. Наверное, молитву Перуну. Как будто громовержец хоть раз спускался в Мари спасать заблудших дураков.

Я плеснул немного водки прямо в трехглазую морду птицы.

Сорока мгновенно вспыхнула. Не огнем — синим химическим светом, как сгорает болотный газ. Плач оборвался. Пепел осыпался нам под ноги невесомыми серыми хлопьями, похожими на сгоревшее письмо.

Отдавать спиртное жалко — оно весит меньше золота, но греет лучше любой кольчуги. Но плата есть плата.

Я убрал флягу. Обернулся.

Дружинники смотрели на меня без насмешек. Молодой парень с разбитым носом сидел на корточках, зажимая лицо тряпкой, и смотрел на меня круглыми, испуганными глазами. Борич перекрестился старым, докняжеским знаменем — косой крест в круге.

Впереди, там, где деревья смыкались окончательно, образуя черный туннель, висела первая настоящая паутина Великого Паука. Толстая, с палец толщиной нить дрожала от сквозняка, натянутая между двумя соснами. За ней начиналось настоящее болото.

Там звуки умирают совсем. Там камни падают вверх. И именно там князь Всеслав надеется найти Камень, пьющий тишину.

Я шагнул в темноту, переставляя ногу ровно посередине провисшей нити. Паутина отозвалась низким, утробным гулом, который прошел сквозь подошвы сапог прямо в кости.

Мара приняла плату. Теперь мы играли по её правилам.

Глава 3

Третий день мы шли по Глухой меже.

Счет времени я потерял еще на вторые сутки. Здесь, под кронами мертвых елей, солнце не садится и не встает — оно просто медленно ползет по кругу мутным пятном, заливая всё болезненным багрянцем. Воздух стал густым, его можно было резать ножом и жевать, как старую кожу. Он пах медью, грибной гнилью и сладковатой тленцией. Мои спутники начали оставлять за собой запахи болезни: у одного открылся свищ на десне, другой мочился кровью от болотной лихорадки. Их кольчуги покрылись рыжим налетом ржавчины за одну ночь.

Мы двигались через Урочище Слепых Огней. Под ногами хлюпала вода, скрытая под слоем ярко-зеленого мха. Я вел их, ступая только на «спящие» кочки — те, что при нажатии не издавали тихого, предательского вздоха из глубины. Один неверный шаг, и торфяная линза провалится в бездонную карстовую пещеру.

Боярин Ждан шел пятым. Его бархатный кафтан превратился в лохмотья, лицо осунулось, но глаза горели фанатичным огнем. Каждые сто шагов он доставал серебряное зеркальце и смотрелся в него, проверяя, не поседела ли борода от страха. Тщеславие оказалось крепче здравого смысла.

На привале, когда Борич-крюкач раздал всем по щепотке сушеной зайчатины, это и случилось.

Я сидел чуть поодаль, прижавшись спиной к стволу вывороченной сосны. Закрыв глаза, пытаясь сквозь вибрацию земли прощупать топь впереди. Там была развилка. Три пути. Два вели в кисель, который переварит кости за неделю. Третий был твердым, но... странным. Словно земля там была натянута, как кожа на барабане.

Внезапно тишину прорезал звук.

Для любого другого человека это прозвучало бы как треск сухой ветки. Обычный лесной шум. Но моя глухота работает иначе. Звук для меня — это физический удар. И этот удар пришел не снаружи. Он родился прямо внутри моей головы. В левом ухе, том самом, куда пятнадцать лет назад дунул упырь.

Сначала тихо, потом громче.

Треньк.

Я дернулся, схватившись за висок. Ствол дерева за спиной показался ледяным.

Треньк.

Это был звон натягиваемой тетивы. Идеально чистый, звенящий обертонами аккорд. Так звучит заговоренная сталь перед тем, как отправить душу в Ирий.

— Проводнику худо, — донесся голос Борича. — Эй, немой, воды?

Я открыл глаза. Мир поплыл. Зеленоватое марево над болотом сгустилось, принимая форму человеческих фигур. Они стояли прямо посреди отряда. Высокие, сгорбленные, завернутые в саваны из паутины. У них не было лиц — только гладкие костяные маски с тремя отверстиями вместо глаз и рта.

Дружинники их не видели.

Борич спокойно протягивал мне свою флягу, глядя сквозь фигуру, стоящую ровно между нами. Молодой парень с разбитым носом пытался высечь огонь кресалом, чиркая кремнем о железную пластинку на груди существа, которое склонило к нему свой череп без кожи.

Морок? Навье? Нет. Те воняют сыростью и страхом. От этих веяло сухим архивным тлением и абсолютным порядком. Это были Книжники. Хранители межи. Те, кто следит за балансом долгов.

Звон в голове стал невыносимым. Левый висок взорвался болью, и мир обрушился на меня водопадом звуков, которых здесь быть не должно.

Я услышал скрип суставов боярина Ждана. Услышал, как пульсирует кровь в шее молодого парня — частая-частая дробь испуганного кролика. Услышал собственное дыхание — хриплое, астматичное. А затем...

Затем я услышал Камень.

Он пел. За много верст отсюда, глубоко под землей, в самом сердце Мары. Низкий, утробный гул, от которого вибрировали мои зубы. Песня пустоты. Она обещала идеальный покой. Обещала забрать все звуки мира, превратив их в чистую силу. И она звучала так знакомо.

Один из Книжников повернул свою гладкую голову ко мне. Из центрального отверстия-маски вырвался не голос, а сухая мысль, вбиваемая гвоздями прямо в мозг:

«Ты слышишь нас, Ратмир, сын молчунов. Ты снова целый».

Они знали мое имя. Имя, которым меня крестили родители, прежде чем Мара забрала Лелю.

Книжник поднял руку. Длинные пальцы-соломинки щелкнули. Пространство вокруг Боярина Ждана схлопнулось.

Советник князя не успел даже вскрикнуть. Его дорогой кафтан беззвучно (для всех остальных) лопнул по швам, и сам Ждан начал складываться внутрь себя. Плоть слезала с костей, как мокрая бумага, золотые пуговицы со звоном падали в воду, хотя никто этого звона не слышал. Через три удара сердца на мокром мху стоял лишь аккуратный серый сверток одежды, перевязанный алой лентой княжеской печати. Самого Ждана — мяса, костей, жадности и молитв Перуну — не стало. Осталась только идеально ровная просека во мху, ведущая в никуда.

Отряд замер. Кто-то перекрестился. Кто-то начал читать молитву, но слова застревали в горле, превращаясь в бульканье. Они ничего не поняли физически, но животные инстинкты кричали им: проводник только что отдал кого-то из своих лесному духу. Или дух взял плату сам.

— Что ты сделал?! — рявкнул Борич, хватаясь за клевец. Старый рубака единственный сохранил рассудок, но его крюк дрожал. — Куда делся советник?!

Я встал. Боль в виске отступила, оставив после себя звенящую пустоту. Зрение прояснилось. Книжники исчезли. Растворились в тумане. Но теперь я видел тропу, которую они открыли взамен съеденного советника.

Она шла прямо через то самое «натянутое» плато. Земля там действительно была кожей. Кожей гигантского зверя, спящего под толщей торфа.

Я посмотрел на оставшихся девятнадцать человек. Запах их ужаса стал настолько плотным, что оседал на языке пеплом.

Я подошел к молодому парню. Тот отшатнулся, выставив вперед руки, перемазанные грязью и засохшей кровью. Я взял его за плечи. Наклонился к самому лицу. Чтобы он прочитал по губам.

— Не бойся, — прошептал я. Мой собственный голос показался мне чужим, слишком громким. — Он умер счастливым. Князь дал ему цель.

Парень икнул и сел прямо в черную воду.

Я развернулся к остальным. Вытащил из-за голенища нож. Резко полоснул себя по ладони. Кровь выступила мгновенно — густая, почти черная в этом зеленом свете. Капнула на мох.

Земля под ногами едва заметно дрогнула. Плато-Кожа выдохнуло. Теплый, смрадный воздух ударил нам в лица. Тропа стала видимой для всех: широкая полоса сухого папоротника, обрамленная светящимися синим гнилушками. Идеальная дорога. Слишком идеальная.

Боярин Ждан заплатил своим телом за проход. Древние законы требовали равновесия. Если один уходит раньше срока, другой должен занять его место в очереди к Костянице.

Книжники взяли того, кто источал самый сильный запах власти и лжи. Теперь очередь за мной. Я привел людей туда, где человеческие законы перестают работать. Значит, долг крови переходит на последнего ответственного. На проводника.

Камень внизу снова запел, и на этот раз песня отозвалась эхом в моем расколотом черепе. Он знал, что я иду. Он ждал именно меня. Не ради казни. Ради встречи.

Я указал ножом на синюю тропу.

— Шаг в шаг, — прохрипел я, чувствуя, как возвращается привычная вязкая немота горла. — Говорить нельзя. Смотреть только на затылок идущего впереди.

Я первым ступил на сухую траву. Мох вокруг моих сапог тут же почернел и скукожился, рассыпаясь в труху. Мы шли по спине Великого Спящего. И если он решит перевернуться во сне, наши стальные шлемы расплавятся быстрее, чем воск церковной свечи.

Впереди, разрывая полумрак, вспыхнул первый сигнальный столб князя Всеслава. Черный дубовый кол, увешанный свежими черепами животных. До Сердца Мары осталось меньше версты. Серебряный обруч в мешке Ждана вдруг стал невыносимо тяжелым, притягиваясь к земле невидимым магнитом. Синий камень внутри него больше не ворочался. Он смотрел на меня. Наблюдал.

А мой левый висок пылал холодным огнем, впитывая песню Камня, чтобы однажды выплеснуть её наружу и утопить в тишине весь остальной мир.

Глава 4

Великая Топь дышала.

Каждый наш шаг по спине Спящего отдавался в пятках глухим, утробным урчанием. Синяя тропа из гнилушек вела нас сквозь лес перевернутых деревьев — их корни чернели наверху, сплетаясь в подобие сводов готического храма, а кроны уходили глубоко под воду, питаясь мертвой плотью дна. Воздух здесь состоял из чистой взвеси спор и праха. Мы не шли. Мы пробирались через легкие умирающего бога.

Осталось семнадцать человек. Двое исчезли беззвучно, когда Борич-крюкач оступись и задел плечом «плачущую» березу. Древесный сок брызнул ему на рукав, зашипел, проедаю кожу до кости, а стоявшего рядом ратника просто втянуло в ствол, как сухую былинку. На коре осталось лишь его перекошенное лицо, которое быстро затянулось новым слоем мха. Остальные даже не сбились с шага. Они боялись дышать громче ветра.

Впереди показалась Поляна Костяных Лампадок. Идеально ровный круг черной земли посреди топи, утыканный столбами. На каждом столбе сидела человеческая голова. Губы зашиты сухожилиями векши, глазницы полны светляков. Это были лица тех, кто пытался найти Сердце Мары до нас. Бояре старых родов, черные монахи-расстриги, наемники из-за Закатного моря. Князь Всеслав был не первым, кому захотелось выпить мир досуха.

Борич схватил меня за локоть крюком. Его единственный глаз смотрел на ближайший столб. Лицо на нем было знакомое — воевода Путята, пропавший десять лет назад во время умирения лесных племен.

— Она смотрит на тебя, Ратмир, — просипел старик. — Голова Путаты. Кивает.

Я перевел взгляд. Деревянные волокна шеи натужно скрипнули. Череп действительно опустился вниз, словно кланяясь, а затем медленно повернулся в мою сторону. Светляки в пустых глазницах мигнули дважды. Точка. Тире. Старый сигнал дозорных: «Свой. Опасность впереди».

Земля ушла из-под ног без предупреждения.

Это не была трясина. Поляну пересекал разлом — трещина шириной в два локтя, абсолютно прямая, геометрически правильная. Словно сама Мара провела её лезвием серпа. Из глубины тянуло холодом подземной реки.

Мы начали обходить провал, прижимаясь к краю поляны, где росли костяные деревья. И тут Камень внизу снова запел. Но на этот раз он изменил мелодию. Низкий гул сменился высоким, пронзительным звоном, от которого заныли зубы. Песня узнавания.

Из трещины ударил фонтан черного дегтя. Он не падал обратно в бездну — завис в воздухе, собираясь в фигуру. Ростом со взрослого мужа, но непропорционально широкий, с плечами, переходящими сразу в конусовидную голову без шеи. Вместо рук — десятки тонких костяных игл.

Оно пахло озоном и стерильной чистотой хирургического ножа. В этом болоте, полном хаоса и слизи, гость выглядел чужеродным чертежом.

— Хозяин Глубин, — выдохнул кто-то за моей спиной. — Марева Игла.

Тварь не имела глаз. Она наклонила голову, прислушиваясь к вибрации земли. А потом ее внимание обратилось на нас. Вернее, на металл. На заговоренную сталь княжеских дружинников.

Игла сделала выпад. Движение было слишком быстрым для болотного духа. Никакой вязкости Мары — только сухой треск ломаемых законов физики. Одна из костяных игл метнулась вперед и прошила грудь молодого парня, того самого буяна с разбитым носом.

Он умер мгновенно. Оружие вошло точно в сердце, не пролив ни капли крови — края раны замерзли и покрылись инеем. Парень осыпался на землю горсткой черного стекла.

Дружина взревела. Страх уступил место ярости загнанных зверей. Десять мечей покинули ножны одновременно. Звон стали должен был оглушить меня после дней тишины, но я слышал лишь шелест ткани и тяжелые удары сердец.

Они бросились на Иглу. Глупцы. Их клинки рубили воздух там, где существо было секунду назад. Марева Игла танцевала среди них, используя свои иглы как копья и щиты. Она не убивала всех подряд. Она выбирала. Первого она насадила на шип и подняла над землей. Второго просто переломила пополам ударом ладони, вырвав позвоночник вместе с куском кольчуги.

Она искала командира. Искала Ждана. Искала обруч с синим камнем.

Боярин стоял позади строя, белый как мел. Серебряный оберег на его шее раскалился докрасна, обжигая кожу, но Ждан боялся его снять. Синий камень внутри металлической филигрании пульсировал в такт песне Камня из недр. Обруч притягивал тварь, как магнит — железную стружку.

— Рубите ему ноги! Под колени! — орал Борич, пытаясь зайти сбоку. Его крюк бессильно скрежетнул по хитину на плече Иглы, высекая сноп синих искр.

Я отпустил рогатину. Железо бесполезно против геометрии смерти. Я сделал то, что умел лучше всего. То, ради чего князь вытащил меня из грязи Скитунца.

Я упал на четвереньки. Прижался ухом к земле прямо у края разлома. Там, под нами, текла Стикс-река Мары. И берега её держались на честном слове древних договоров.

Песня Камня стала невыносимой. Она требовала открыть проход. Требовала забрать металл, кровь и память. Левый висок пылал, превращаясь в кусок льда. Я чувствовал, как граница между моим сознанием и разумом Спящего истончается. Если я сейчас впущу эту песню полностью, я перестану быть Ратмиром. Я стану эхом Камня. Идеальным проводником для идеальной империи князя.

Вместо этого я начал слушать другое. Я слушал обиду земли.

— Ну же, старый пьяница, — прошептал я пересохшими губами, обращаясь к тому, кто спал прямо под Поляной Костяных Лампадок. — Тебе нравится, когда на твоей спине пляшут чужие игрушки? Проснись.

Я вонзил пальцы в торф. Не ножом — голыми руками, разрывая ногти. Кровь закапала на корень мертвого дуба.

Плата.

Марева Игла тем временем добралась до Борича. Старик успел увернуться, лишившись половины бороды, но следующая игла вошла ему под ключицу. Крюкач рухнул на одно колено, хрипя. Дружинники дрогнули, начав отступать к лесу перевернутых елей. Порядок рассыпался.

И тогда земля ответила.

Разлом, который мы так аккуратно обходили, перестал существовать. Края трещины сомкнулись с ревом падающей горы. Но это был не звук удара камня о камень. Это был звук смыкающихся челюстей.

Поляну тряхнуло. Марева Игла потеряла равновесие, одна её нога провалилась в внезапно возникшую рябь почвы. Этого хватило.

Борич, уже оседающий на землю, собрав остатки сил, махнул своим крюком. Он целил в шею, но попал ниже — стальной клюк намертво впился в суставное соединение бедра твари.

— Тяни, немой! — прохрипел старик, глядя на меня единственным глазом. — Держу!

Я вскочил. Песнь Камня в голове взывала от бешенства. Земля вокруг нас начала корчиться. Спящий просыпался, и ему очень не нравилось, что на его ребрах устроили бойню.

Я прыгнул. Упал всем весом на конец древка рогатины, которую выронил один из убитых. Рычаг пошел вниз.

Борич уперся сапогами в череп ближайшего идола. Его мышцы взбугрились, жилы на шее почернели.

Хрустнуло. Не дерево. Сухожилие иномирной твари.

Марева Игла издала первый звук — тонкий визг рвущейся струны. Она попыталась вырвать ногу, но почва уже окончательно сходила с ума. Черный деготь, из которого состояло тело Хозяина Глубин, начал расслаиваться. Геометрия нарушилась. Правые конечности потянулись влево, голова свернулась спиралью. Законы Явного мира возвращали себе украденное пространство.

За пять ударов сердца Игла превратилась в ком спутанной ржавой проволоки и растеклась по поляне дымящейся лужей мазута.

Наступила абсолютная тишина. Даже песня Камня в моем черепе захлебнулась.

Мы остались втроем. Я, тяжело опирающийся на рогатину, и Борич, зажимающий сквозную рану в плече. Остальная дружина... От отряда князя Всеслава осталось четверо. Они стояли, покачиваясь, забыв опустить оружие. Вокруг них с сухим стуком падали новые головы на костяные столбы. Лампады-светляки зажигались, освещая наши лица.

А потом заболел синий камень.

Серебряный обруч выпал из ослабевших пальцев мертвого Ждана. Он лежал на черной земле, и камень в центре него больше не сиял. Он всасывал свет. Сначала погасли гнилушки на тропе. Затем померкли светляки в глазницах мертвецов. Наконец тьма поглотила само солнце.

Мы оказались в первородном мраке. В той самой Тишине, которой жаждал князь.

— Проводник... — голос Борича звучал как из бочки. — Что теперь?

Я подошел к обручу. Наклонился. Боль в левом виске вернулась, но теперь она была другой. Холодной. Управляемой. Камень узнал во мне родственную пустоту. Он пел для меня, предлагая сделку получше княжеской. Зачем возвращать слух калеке? Проще сделать весь мир таким же глухим.

Я поднял серебряную корону. Металл жег руки адским холодом. Синий камень пульсировал, заглядывая внутрь меня, ища те воспоминания, которые можно превратить в силу. Вот княжьи палаты. Вот запах власти. Вот страх перед диким лесом.

Я посмотрел на выживших. На седого Борича, который убил бессмертную тварь ради мальчишек, чьи имена он вряд ли запомнил. На перепуганных ратников, которые только что поняли: золота они домой не принесут. Вынесут их самих — по частям, если повезет.

Князь хотел построить империю на молчании. Но люди живут криком, шепотом и песней. Забери это — и останется лишь вот такая маревая плесень, пытающаяся имитировать жизнь.

Я размахнулся. Собрал всю боль своего левого виска, всю тяжесть потерянной сестры, весь яд этой проклятой топи. И обрушил тяжелую подошву сапога на синий камень.

Удар получился глухим. Звук разбивающегося хрусталя родился прямо в моих костях.

Синий свет взорвался беззвучной белой вспышкой. Волна чистого резонанса прокатилась по поляне, сметая гниль. Когда зрение вернулось, обруч в моей руке превратился в бесформенный кусок расплавленного серебра. Магия приказа умерла.

Но цена была уплачена.

Левый висок онемел навсегда. Но хуже было другое.

Я моргнул. Попытался сглотнуть. Горло сжало спазмом.

Я открыл рот, чтобы сказать Боричу, что путь свободен. Чтобы спросить, сможет ли он идти дальше с дырой в плече.

Из горла вырвался только тихий, сиплый свист.

Мара взяла свою последнюю пошлину. Проход через плато Великого Спящего стоил мне дара речи. Теперь моя тишина стала полной. Окончательной. Между мной и миром выросла стена более толстая, чем дубовые стены Скитунца.

Борич проследил за моими губами. Понял. Кивнул, криво улыбнувшись половиной рта. Он похлопал себя по груди — жест старой дружины, означающий «держимся».

Впереди, за стеной перевернутых елей, зажегся новый свет. Не синий, магический. Живой, оранжевый. Огонь большого костра. Лагерь князя.

Всеслав ждал свой Камень.

Я перехватил рогатину поудобнее. Оставшиеся трое дружинников молча встали за моей спиной, закрывая фланги. Мы вышли из леса теней на открытое пространство.

Нас встречала личная сотня князя. Блестящие шлемы, новенькие брони, штандарты с воронами. Свежие, сытые, громко говорящие. Для них мы должны были вернуться героями, несущими спасение Руси.

Они увидели нашу процессию. Увидели окровавленного Борича. Увидели мое лицо — спокойное, как поверхность застывающего озера, перечеркнутое старым шрамом от уха до подбородка. Увидели отсутствие советника и сгоревший серебряный обруч в моей левой руке.

Капитан сотни приподнялся в стременах:

— Где князь-боярин Ждан?! Где артефакт?! Почему вас...

Он замолчал. Потому что мои глаза сказали ему всё остальное.

Я не мог кричать «Предательство». Не мог трубить в рог тревоги.

Поэтому я просто пошел вперед. Прямо на их копья. Шаг в шаг. Так, как ходят по самым опасным тропам Глухой межи.

А за моей спиной четверо измученных тенями людей поднимали свое зазубренное, покрытое черной слизью оружие. Цена пути была уплачена сполна. Теперь пришло время собирать долги.

Глава 5

Копья они опустили.

Инстинкт оказался сильнее устава. Одно дело — встречать ровный строй вражеской конницы, и совсем другое — смотреть в глаза человеку, который только что вернулся из брюха Мары живым, потеряв по пути половину отряда, дар речи и рассудок, но сохранив при этом пугающее, мертвое спокойствие. От меня пахло не потом и кровью. От меня пахло сырой землей кладбища и озоном после удара молнии.

— Дорогу, — просипел Борич. Кровь на его плече уже начала подсыхать черными струями, но голос еще слушался старика. — Дайте дорогу государеву проводнику.

Капитан сотни медлил. Его взгляд метался от лица Борича к моему, затем к штандарту князя Всеслава, трепещущему на ветру за спинами латников. Дисциплина боролась с ужасом. Дисциплина проиграла. Копья разошлись в стороны, образуя узкий коридор.

Мы прошли сквозь их строй, как нож сквозь масло. Остальные выжившие тащились следом. Их было четверо. Четверо из двадцати. Они старались держать спину прямо, но походка выдавала их с головой: люди, которые слишком долго смотрели в темноту и теперь видят ее даже открытыми глазами на ярком свете.

Княжеский шатер стоял на единственном сухом холме посреди лагеря. Белый шелк, расшитый золотыми львами, казался грязной тряпкой в сравнении с первородным мраком Глухой межи. У входа дежурили двое волхвов в белых хламидах. При нашем приближении один из них поднял посох, увитый змеиной кожей.

— Стойте! — голос волхва был сухим, как треск пергамента. — Где оберег? Где слово князя?

Я остановился. Посмотрел на серебряную лужицу в моей левой руке. Затем перевел взгляд на волхва. Мне не нужны были слова, чтобы объяснить, что стало с его магией. Я просто разжал пальцы. Расплавленный металл упал в пыль, глухо звякнув. Звук получился жалким.

Волхв побледнел. Он смотрел на обруч, потом на мое лицо. В глазах жреца мелькнул суеверный ужас. Он понял: Камень разбит, а значит, сила Перуновых печатей здесь больше ничего не стоит. Мы принесли с собой саму Маревну смерть.

Второй волхв начал бормотать молитву-заговор, чертя в воздухе знаки против порчи. Это была ошибка.

Борич, стоявший справа от меня, вдруг коротко выдохнул. Старый крюкач шагнул вперед быстрее, чем кто-либо успел моргнуть. Его стальной клюв вошел точно в основание шеи бормочущего жреца, пробив ключицу. Хрустнула кость. Волхв булькнул горлом и осел, заливая белый шелк полога собственной черной в свете костров кровью.

В лагере повисла тишина. Даже дозорные на вышках замерли. Секундное оцепенение сменилось хаосом. Десятники начали выкрикивать команды, ратники схватились за мечи.

— Стоять! — рявкнул капитан княжеской сотни. Он обнажил клинок, но направил его не на нас, а на своих же всполошившихся воинов. — Именем князя! Опустить оружие! Проводник прибыл с докладом!

Он знал цену верности. Если мы смогли пройти топь, значит, боги всё ещё на нашей стороне, или мы сами стали страшнее любой нежити. Рубить таких — навлечь проклятие на весь удел.

Нас пропустили внутрь. Полог упал за спиной, отсекая шум паникующего лагеря. Внутри шатра горели десятки свечей. Пахло ладаном, жареным мясом и кислым вином. Князь Всеслав сидел на складном троне у дальней стены. Он был одет в чистое исподнее рубахи — доспех лежал рядом. Видно, ждал нашего возвращения для немедленного облачения в корону-артефакт.

Когда князь увидел нашу процессию, улыбка сползла с его широкого, породистого лица. Сначала он искал глазами Ждана. Не нашел. Затем посмотрел на наши пустые руки. Наконец его взгляд уперся в меня.

— Ратмир, — медленно произнес он, поднимаясь. — Ты принес его? Говори. Ну же, я выполнил свою часть сделки. Волхвы готовы исцелить твои уши прямо сейчас. Только отдай Сердце.

Я сделал шаг к нему. Деревянный настил под ногами предательски скрипнул. Этот звук показался мне оглушительным в этой ватной тишине. Я открыл рот, собираясь ответить. Из горла вырвался лишь тихий, свистящий хрип. Сухожилия натянулись, причиняя боль. Дар речи ушел вместе с синим камнем. Теперь я нем навсегда. Окончательно.

Всеслав нахмурился.

Недоумение на его лице начало сменяться гневом.

— Немой шут... — процедил он. — Или Мара выжгла тебе мозги? Где Камень? Боярин Ждан где?!

Борич выступил из-за моего плеча. Он тяжело приволакивал ногу, оставляя кровавую дорожку на коврах.

— Советник сгинул, княже, — прохрипел старик, опираясь на свой клевец как на посох. — Топь забрала. Как и многих других. А Камня там нет. Там есть только Спящий. И он просыпается. Мы привели его дыхание за собой.

Князь дернулся. Его рука метнулась к поясу, где висел короткий чекан для ближнего боя. Но он не собирался нападать. Он потянулся к своему походному сундуку.

— Вы лжете. Вы испугались болотных огней и решили украсть мою славу...

Он откинул крышку тяжелого окованного сундука. Запустил руку внутрь, нащупывая рукоять второго оружия или, возможно, пытаясь достать спрятанный самострел.

Но пальцы его сомкнулись на другом.

Лицо Всеслава мгновенно позеленело. Его затрясло так, словно через тело пропустили разряд грозовой молнии. Он выдернул руку из сундука, сжимая нечто маленькое, черное, похожее на застывшую каплю смолы.

Это был не артефакт власти. Это был Узел. Тот самый знак Книжников, сотканный из паутины и человеческих волос, который они оставили нам на Поляне Костяных Лампадок. Пока мы шли сюда, пока сражались с Иглой, пока отдавали свои голоса и кровь бездне, Древние зашли с другой стороны. Через сны князя.

— Что это?.. — прошептал Всеслав, глядя на черный комок в своей ладони. — Что это такое?!

И тогда погасли свечи.

Не все сразу. Сначала задрожало пламя на алтаре. Потом фитили начали втягиваться внутрь самих себя, превращаясь в черные точки. По стенам шатра поползли тени. Но это были не обычные тени от наших фигур. Тени жили своей жизнью. Они стекались к центру, к князю, сплетаясь в высокую, сгорбленную фигуру без лица.

Один из оставшихся волхвов бросился бежать к выходу. Он не успел. Полог шатра стал твердым, как дубовая доска. Человек впечатался в него со скоростью выпущенного камня. Шелк не выдержал — ткань лопнула, но не выпустила жертву. Она *всосала* волхва внутрь себя. Раздался влажный хруст, и наружу выпал только пустой сапог да рассыпавшиеся четки.

— Стража! — взревел Всеслав, наконец обретя голос. В его крике звучала чистая животная паника человека, осознавшего, что трон под ним — это крышка гроба. — Ко мне! Убейте их! Это измена!

Рванулся полог главного входа. Внутрь ввалились первые латники капитана сотни с обнаженными мечами. Они увидели своего повелителя, скорчившегося над сундуком, клубящуюся тьму вокруг него и нас — четверых оборванцев, покрытых грязью преисподней.

Дружина князя выбрала сторону золота. Они бросились на нас.

Первый удар длинного меча принял на себя Борич. Старик подставил под лезвие свой стальной крюк. Острая сталь соскользнула, ушла вверх, и в этот момент клювач врезался шлему воина точно в переносицу. Череп сложился внутрь.

Но врагов было слишком много. Пространства — слишком мало. Шатер превратился в мясорубку.

Меня толкнули щитом в грудь. Я упал на спину, перекатился через плечо, уходя от опускающегося палаша. Клинок вошел в деревянный столб-подпорку, перерубив его пополам. Крыша просела. На меня рухнуло тяжелое полотно, накрыв с головой. Вонь свечного жира и пыли забила ноздри.

Под тканью было душно и темно. Я слышал звуки бойни снаружи: лязг металла, чавканье разрушаемой плоти, предсмертные хрипы. Капитанская сотня делала свою работу хорошо. Слишком хорошо.

Тяжелый сапог наступил мне на грудь, пригвоздив к земле. Полотно резко сорвали.

Надо мной стоял молодой дружинник — тот самый, что остался жив чудом благодаря моим голышам на первой стоянке. Сейчас его лицо было серым от ужаса, а губы тряслись. Он занес секиру.

— Прости, проводник, — выдохнул он. — Приказ.

Я не двигался. Смотрел ему в глаза. Моя левая рука всё еще сжимала бесполезный расплавленный кусок серебра. Я чувствовал, как уходит время. Как Книжники собирают свою жатву. Если они заберут князя, если Спящий окончательно проснется от этого шума крови, болото поглотит не только лагерь. Оно пойдет дальше. До самого стольного града.

Парень зажмурился, заноса оружие для последнего удара.

И тут раздался звук, которого никто не ожидал.

Глухой, мокрый шлепок.

Словно мешок с мокрым бельем упал на землю.

Молодой дружинник открыл глаза. Замер. Секира дрогнула в его руках. Он посмотрел вниз, на свое тело. Из середины груди, прямо между пластинами брони, торчал наконечник собственного копья парня. Древко дрожало.

Его отбросило назад. Парень упал на спину, глядя в потолок невидящими глазами.

За его телом стояла женщина. Высокая, с заплетенными в косы седыми волосами, в которых запутались живые листья папоротника. Одета она была в шкуры, скрепленные вместо фибул человеческими челюстями. В руках она держала короткое охотничье копьё-сулицу.

Она посмотрела на меня. Один глаз у нее был обычным, человеческим, цвета зимнего неба. Второй — абсолютно черным, блестящим, фасеточным, как у гигантского насекомого. Навка. Лесная ведьма. Та, кого старые книги называли Бабой-Ягой, когда хотели оскорбить.

Она плюнула себе под ноги. Слюна зашипела, проедаая доски пола.

— Вставай, немой пес, — сказала она низким, скрежещущим голосом. — Твой князь проиграл свою душу в кости еще до того, как ты родился. Эти бумажные человечки испортили мой лес своим железом. Пойдем убьем их всех, пока Марушка не захлебнулась их глупостью.

Снаружи, разрывая ткань шатра, поднялся многоголосый вой. Но это кричали не люди. Так воют навьи-плакальщицы, призывая души утопленников. Лагерь князя перестал существовать как военный объект. Он становился частью меню.

Ведьма перешагнула через труп молодого дружинника и протянула мне руку. Её ладонь была твердой и горячей, как свежий пепел.

Я посмотрел на Свищушую Тьму, которая почти полностью поглотила фигуру князя Всеслава. Серебряный престол трещал под тяжестью древней магии.

Затем я посмотрел на старую ведьму. На её фасеточный глаз. На тропу за пределами шатра, где мертвые воевали с теми, кто скоро станет мертвым.

Я вложил свою ладонь в её руку. Поднялся на ноги.
Мой голос умер в сердце Мары. Но мои руки всё ещё помнили, как держать рогатину.
Война за тишину закончилась. Начиналась охота на крик.

Глава 6

Шатер князя Всеслава рухнул за нашей спиной, погребая под собой остатки его гордости и вопящую Тьму. Навка дернула меня за руку с силой молодого медведя, выдергивая из-под падающего полога. Мы выкатились прямо в центр побоища.

Лагерь перестал быть лагерем. Он превратился в разделочную.

Княжеская сотня всё еще пыталась держать строй вокруг костра, выставив стену щитов. Но их теснили не мы. Из темноты между палатками лезли те, кого они должны были охранять — обозные мужики, конюхи, кашевары. Их глаза светились болотной зеленью, рты были разорваны в беззвучном крике, а сквозь гниющую плоть прорастали тонкие ветки плакучих ив. Марева хворь перекинулась на мертвецов, которых князь оставил без должного погребения у подножия холма. Они шли убивать своих бывших господ.

— Слепые идут на звук! — прохрипела ведьма мне в ухо. Она швырнула меня за перевернутую телегу с провиантом, укрываясь сама. — Не дыши громко, немой. У них вместо ушей жадность выросла.

Я прижался к шершавым доскам. Отсюда, снизу, бой выглядел иначе. Я видел вибрацию земли от сотен бегущих ног — живых и мертвых. Видел, как пахнет страх: это был резкий запах свежего лука, который кто-то рассыпал при падении телеги.

Над нашими головами просвистело копьё и пригвоздило к борту повозки одного из оживших обозников. Борич. Старый крюк стоял посреди площади, широко расставив ноги. Левый рукав его рубахи висел окровавленными лохмотьями, плечо было рассечено, но он продолжал работать. Его клевец поднимался и опускался с монотонностью кузнечного молота, превращая черепа наступающих в мокрое крошево. Он смеялся. Хохот старика перекрывал даже лязг стали.

— Хорошо машет, — осклабилась навка, вытаскивая из-за пояса мешочек с солью. — Жаль только, что зря. Князь уже почти съеден.

Она была права. Там, где стоял шатер, теперь пульсировал черный купол абсолютной тишины. Деревья вокруг него гнулись к земле, хотя ветра не было. Спящий под поляной окончательно проснулся от вкуса княжеской крови и теперь тянул свои корни наружу через тело Всеслава.

Ведьма развязала мешочек. Вместо соли внутри шевелился живой лунный свет — спрессованные светляки-самоубицы. Она дунула на горсть порошка в сторону ближайшего отряда дружинников.

Светляки вспыхнули. Это был не просто огонь. Это был холодный, геометрически правильный свет чертежника. Лучи ударили в лица воинов. Те, кто смотрел прямо, ослепли мгновенно — белки глаз закипели и испарились. Остальные в панике начали рубить друг друга, ведомые тенями, которые плясали слишком быстро.

— Время платить по счетам, волчонок, — ведьма схватила меня за шиворот и потащила вдоль края лагеря, прочь от света костров, в непроглядную черноту леса. — Книжники открыли тебе уши, чтобы ты привел их к Камню. Ты разбил Камень. Теперь Древние заберут твою голову, чтобы починить свою игрушку. А я заберу то, что причитается мне за беспокойство.

Мы нырнули под лапы огромной ели. Здесь звуки битвы стихали, вязнув в густой хвое. Ведьма отпустила мой воротник и достала из поясной сумки глиняную свистульку в виде ворона.

— Бери, — она сунула её мне в руку. — Дунь туда, когда скажу. Только не вздумай делать это сейчас. Выдешь мою удачу раньше времени — язык проглотишь навсегда.

Она резко развернулась. Ветки позади нас затрещали. Сквозь кусты ломилась фигура в золоченых латах. Боярин Ждан. Вернее, то, что заняло его место. Плоть советника слезла с костей, обнажив желтый хрящ, но дорогая цепь на шее осталась нетронутой. На месте лица зияла пустота, заполненная клубящимся туманом. Он вытянул руки, лишенные кожи, когти скрежетали по кирасе.

Навка не стала доставать оружие. Она плюнула Ждану под ноги. Плевков зашипел, выпуская облачко желтого пара. Советник замер, словно наткнувшись на невидимую стену. Его пустое лицо повернулось ко мне.

«Ратмир», — прозвучало у меня в голове. Голос был сухим шелестом пергамента. — «Ты нарушил договор. Отдай серебро обруча. Открой разум».

Я посмотрел на расплавленный кусок металла, который так и сжимал в левой руке. Князь заплатил

за проход жизнью своего лучшего слуги, надеясь получить власть над миром. А получил лишь марионетку для тех, кто жил здесь до первого человека.

Ведьма толкнула меня в бок:

— Ну же, немой! Удиви старую каргу. Или тебя только глухие бить умеют?

Я поднял правую руку. Сложил пальцы в щепоть — знак старого знахаря, которым матери выгоняют лихорадку из детской колыбели. Затем резко ткнул этим знаком в грудь Ждана.

Ничего не произошло. Мертвец расхохотался — влажным, булькающим смехом утопленника.

Но затем он посмотрел вниз.

Там, куда указывал мой палец, сквозь дорожную кольчугу пророс тонкий зеленый росток. Мох. Обычный лесной мох. Он начал стремительно ползти вверх по грудной пластине, пожирая металл, оставляя после себя лишь рыжую труху. Зеленые плети оплели шею Ждана, забрались в пустой череп.

Туман внутри головы советника дрогнул. Мох высасывал влагу. Где мох — там сырость, гниение и смерть памяти. Самая страшная смерть для существа, состоящего из чужих мыслей.

Ждан издал вой, похожий на скрип валежника под ураганом. Он попытался содрать с себя зелень, но руки проходили сквозь собственные кости — мох уже превратил их в перегной. Спустя несколько мгновений перед нами остался лишь стоячий комплект дорогих доспехов, доверху набитый черной землей и грибницей.

— Неплохо, — кивнула ведьма. — Старая кровь заговорщиков еще играет. Дед твой, небось, тоже шептунам кланялся? Ладно, живи пока. Дуй.

Она кивнула на свистульку. Я поднес её к губам. Глина была холодной. Я набрал в легкие воздух, пропахший гарью и паленой шерстью, и дунул.

Свиста не было.

Вместо звука изо рта вырвалась стая настоящих воронов. Десятки черных птиц, каждая размером с доброго петуха, материализовались из выдоха. Они не разлетелись хаотично. Они построились правильным клином и камнем рухнули обратно в лагерь.

То, что началось внизу, нельзя было назвать битвой. Это был суд. Вороны целили не в людей. Они били в факелы, разрывая тьму слепящим светом. Они выклевывали глаза штандартам с львами, топили щиты в собственной тени птиц. Там, где проходила птичья стая, железо становилось мягким, как воск, а храбрость самых верных дружинников обращалась в липкий ужас. Порядок, который так жаждал выстроить князь Всеслав, рассыпался карточным домиком.

Когда последняя птица скрылась в дыму, ведьма снова взяла меня за руку. На этот раз бережно, почти ласково.

— Всё, — сказала она. — Больше долгов перед Явью у тебя нет. Перед Навью — есть, но я подожду. Пойдем. Посмотрим на рождение нового бога.

Она вывела меня на вершину того самого сухого холма, где начинался наш путь. Мы встали на краю гигантского кратера. Там, внизу, где стоял шатер, земля вспучилась огромным пузырем. Черный купол тишины лопнул с неслышимым звоном, который отозвался эхом в моих зубах.

Из развалин поднялся силуэт.

Это был князь Всеслав. Но от него осталось едва ли четверть человеческого. Его торс стал стволом векового дуба, ветви которого пронзали ночное небо. Ноги ушли корнями глубоко в торф, сплетаясь с телом Великого Спящего. Руки превратились в узловатые корни, покрытые тысячами человеческих лиц — лиц тех, чьи имена он обещал забыть ради власти.

А на том месте, где должно было быть сердце князя, пульсировал новый артефакт. Огромный, с кулак младенца, синий кристалл. Он больше не пел песню пустоты. Он ревел. Это была песня всепожирающей жажды.

Всеслав-Камень медленно повернул свою крону-голову. Ветви заскрипели. Сотни ртов на коре открылись одновременно.

Они звали меня.

Корни дерева выстрелили из земли. Толстые, живые канаты взвились в воздух, целясь в мои запястья и горло. Они хотели поднять меня наверх, вплести в свой ствол, сделать новым голосом Камня. Тем, кто пойдет дальше — на города, на села, на весь белый свет, гася каждое слово, каждую песню и каждый крик ребенка.

Земля под моими ногами дрогнула. Корень метнулся вперед быстрее змеиного броска.

Навка стояла рядом. Она не собиралась бежать. Сложила руки на груди и смотрела на древо-князя со скучающим видом деревенской торговки, наблюдающей за дракой пьяных мужиков.

Я не побежал. Я шагнул навстречу летящему корню. Моя левая рука, державшая бесполезный ком серебра, пошла назад для замаха. Правая легла на рукоять рогатины.

Камень хотел моей памяти о сестре. Моего горя. Моей боли. Той единственной человеческой искры, которая заставляла меня идти вперед все эти годы. Если корень коснется меня — я стану вечным стражем этой бездны. Идеальным покойником.

Я перехватил рогатину посередине древка. Прицелился в самый центр синего огня, бьющегося в древесной груди князя.

И прыгнул прямо в раскрывшуюся пасть земли.

Глава 7

Прыжок длился вечность.

Я летел навстречу синему огню, выставив вперед рогатину. Воздух стал густым и сладким, как патока; каждый дюйм пути давался с трудом, словно я пробивался сквозь толщу воды. Корни Всеслава хлестали вокруг, вырывая куски дерна, но они не успевали за моей тенью. Я падал быстрее, чем росло Древо.

Внизу ждала не земля. Там разверзлась пасть — огромная каверна в самом сердце Мары, заполненная не тьмой, а жидким, пульсирующим светом того самого Камня. Он дышал. И его дыхание вымораживало саму возможность мысли.

— Глупый щенок! — каркнула навка откуда-то сверху. Её голос звучал уже искаженно, преломляясь через призму божественной мощи. — Ты думал убить бога деревяшкой?!

Удар был неизбежен. Я зажмурился, готовясь принять смерть или нечто худшее — растворение. Но боли не последовало. Вместо глухого удара о кристалл я почувствовал легкий толчок, будто приземлился на упругую паутину.

Я открыл глаза.

Я не пронзил Сердце Мары. Рогатина прошла *сквозь* него. Наконечник вышел с другой стороны голубоватого свечения, не встретив сопротивления. Синий огонь оказался лишь иллюзией, маревом, плотной проекцией воли Спящего. Настоящий Камень лежал глубже. Гораздо глубже.

И он меня узнал.

Песня, которая пятнадцать лет жила в моем левом виске, вырвалась на свободу. Она ударила изнутри черепа, пытаясь расколоть кости. Это была не мелодия пустоты. Это был зов крови. Первородный язык хаоса, на котором духи договаривались друг с другом до сотворения людей.

Камень внизу вспыхнул ярче тысячи солнц. Свет пролился внутрь моего тела. Я увидел свои ребра, свое быющее сердце, свою душу — всё это было сплетено из той же серой, гниющей материи, что и топи вокруг.

Всеслав-Камень взревел кроной голосов. Поняв, что насадить меня на корни не вышло, он решил просто раздавить. Земля дрогнула. Стены пещеры начали смыкаться. Тяжелые глыбы базальта посыпались вниз, прямо на мою голову.

— Сюда! Ко мне! — надсадно кричала ведьма, висящая на краю обрыва на одной руке. Ветер трепал её седые косы.

Я посмотрел вверх. Расстояние — саженой десять. Падающие камни превратят меня в лепешку раньше, чем я сделаю шаг.

Но выбора не было. Я оттолкнулся от невидимого дна иллюзорного огня и прыгнул к ней.

Мир замедлился. Летящие булыжники зависли в воздухе. Я видел каждую трещинку на них. Моя рука метнулась к поясу, где висел мешочек с солью и костяными амулетами. Пальцы нащупали гладкий речной гольш — один из тех пяти, которыми я когда-то напугал молодого дружинника. Тот самый камень, который впитал мой страх перед бездной.

Я швырнул его не в землю. Я швырнул его в пространство между мной и навкой.

Гольш полетел странно. Он не упал по дуге. Он пролетел два локтя, замер, а затем... втянул воздух. Мелкие камушки рядом с ним приподнялись, потянувшись к нему, как к центру воронки. Пространство начало скручиваться спиралью.

— Ах ты старый дурак! — восторженно прохрипела ведьма. — Вспомнил-таки матушкину школу!

Она разжала руку. Не упала, а шагнула в пустоту, оказавшись прямо надо мной. Схватила меня за шкурку своей железной хваткой и рванула вверх, используя созданный мною гравитационный водоворот как ступеньку. Мы вылетели из-под обвала за миг до того, как пещера сомкнулась, похоронив под собой настоящий, физический остов Камня.

Мы рухнули на край кратера, тяжело дыша. Мир снова ускорился. Рев Древа заполнил уши — теперь я слышал его по-настоящему, всей головой, каждым уцелевшим нервом.

Всеслав-Камень тянул к нам свои корневища. Они были толщиной со сторожевую башню. Нам конец. Навка выдохнула клуб черного дыма, готовя последнее проклятие, чтобы забрать древо с собой в Пекельное царство.

А потом случилось то, чего мы ждали меньше всего.

Земля застонала иначе. Если рев князя был гневным и вертикальным, то этот звук шел снизу, горизонтально. Низкий, утробный гул гигантского желудка.

Беликий Спящий, на чьей спине мы стояли все эти дни, наконец проснулся. И ему очень не понравилось, что какой-то выскочка-князь пытается стать богом посреди его спальни.

Толстые корни Всеслава, тянувшиеся к нам, внезапно остановились. Замерли. А затем резко изменили направление. Они поползли прочь от нас, извиваясь, как змеи, уходя обратно в почву, к подножию холма.

— Нет-нет-нет, — прошептала навка, глядя расширенными глазами на Древо. — Только не сейчас. Выкуп еще не закрыт!

Корни Иглы Маревой, которые она использовала как оружие, тоже ожили. Они вырвались из земли, сбрасывая мертвые доспехи княжеской сотни, и сплелись в новый узел. Прямо на наших глазах поверженный монстр начал собираться заново. Из праха Ждана, из щепок шатра, из рассыпавшегося серебра обруча.

Но теперь им управлял не князь.

Спящий перехватил управление. Ему нужен был каркас для своего пробуждения, и тело Всеслава подходило идеально. Древо перестало быть князем-человеком. Оно стало опухолью на теле истинного Хозяина Топей.

Огромный пласт торфа позади нас с оглушительным треском лопнул. Из разлома пахло таким смрадом, что даже вороны-ведьмы попадали запертво. Показалась голова. Чешуйчатая, размером с хорошую ладью, с единственным глазом во лбу, горящим желтым углем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.